

Николай
СВЕЧИН

Охота на царя

Происшествия из службы
сыщика Алексея Лыкова

Сыщик Его Величества

Николай Свечин

Охота на царя

«Автор»

2008

Свечин Н.

Охота на царя / Н. Свечин — «Автор», 2008 — (Сыщик Его Величества)

ISBN 978-5-699-30423-3

Его считают «восходящей звездой русского сыска». Несмотря на молодость, он опытен, наблюдателен и умен, способен согнуть в руках подкову и в одиночку обезоружить матерого преступника. В его послужном списке немало громких дел, успешных арестов не только воров и аферистов, но и отъявленных душегубов. Имя сыщика Алексея Лыкова известно даже в Петербурге, где ему поручено новое задание особой важности. Террористы из «Народной воли» объявили настоящую охоту на царя. Очередное покушение готовится во время высочайшего визита в Нижний Новгород. Кроме фанатиков-бомбистов, в смертельную игру ввязалась и могущественная верхушка уголовного мира. Алексей Лыков должен любой ценой остановить преступников и предотвратить цареубийство.

ISBN 978-5-699-30423-3

© Свечин Н., 2008

© Автор, 2008

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Николай Свечин

Охота на царя

Происшествия из службы сыщика Алексея Лыкова

В основе иллюстраций – фотографии видов Нижнего Новгорода *М. П. Дмитриева*, а также портреты, выполненные в фотомастерских различных городов России во 2-й половине XIX века (из коллекции автора).

Посвящается моему брату Александру.

Глава 1

Хлысты, и еще «варшавские»

Рождественская улица.

1 июня 1880 года начальник Нижегородской сыскной полиции Павел Афанасьевич Благово зашел к себе в кабинет в крайне растрепанном состоянии. За одиннадцать лет службы приходилось ему несколько раз рисковать жизнью, бегать под пулями, уворачиваться от ножа. Вот хоть бы о том годе, с этим мерзким хлыстовским царьком Свистуновым... Но так глупо и неловко Благово себя еще никогда не чувствовал. Совершал обычный еженедельный обход острога, в том числе навестил тех девятых арестантов, чьи дела сейчас вел. Рутинная работа, все как обычно: уговоры, угрозы, ответственное вранье и запирательство. Как вдруг подследственный Опокин, которому светит-то всего два года поселения, выхватил из рукава портновский нож и бросился на Благово. Лицо у него было такое отчаянное, что Павел Афанасьевич не выдержал и побежал, забыв о достоинстве.

Зрелище получилось унижительное: статский советник и главный городской сыщик бежит по длинному тюремному коридору, подследственный Опокин с бешеными глазами и лезвием в кулаке – следом, а замыкают всю эту дурацкую кавалькаду растерявшиеся надзиратели. Многочисленные заключенные, что шли как раз на построение, замерли вдоль стен, любуются редким зрелищем и смеются... Ужасно. И ведь мог зарезать как кочета! Хорошо, в конце коридора оказался старший надзиратель Приходько. Увидев происходящее, опытный тюремщик отреагировал мгновенно и правильно: не стал махать саблей или револьвером (это было бы опасно в тесном людном коридоре), а просто швырнул с силой тяжелую связку ключей в лицо набегавшего покусителя. Тот взвизгнул, упал на одно колено, закрыв пораненный глаз руками; тут-то его, наконец, и догнали бегущие следом надзиратели. Теперь Опокина ждет уже двенадцать лет каторжных работ, если он вообще выйдет из карцера здоровым, а не чахоточным инвалидом. Уж очень не любят чины тюремного ведомства нападения на себя и своих коллег – полицейских и судейских.

Самое же плохое в этой истории – ее необъяснимость. Тихий, затурканный арестант, попавший в тюрьму случайно и ненадолго, покушался на большого чиновника, добровольно ломая себе всю жизнь. Что он там кричал, настигая Благово? «За отца! За отца ответ!». Павел Афанасьевич точно знал, что с подследственным Опокиным он встречался впервые, родителя его никогда не видел, не арестовывал и не преследовал. Оставалось единственное объяснение

– буйное помешательство. Такой риск всегда есть у тех, кто по роду службы общается с отбросами общества.

Для успокоения души Благово все-таки вытащил из несгораемого шкапа следственное дело Опокина. Переменил манжеты на рубашке, испил чаю с лимоном, окончательно успокоился и даже стал думать о недавнем происшествии иронично. Ну, побежал... Кто угодно побежит, когда на него, безоружного, психованный с ножом кинется. И не такие бегали! Один Лыков, наверное, не побежал бы, так ведь то Лыков...

Статский советник открыл «дело об хищении крестьянином деревни Рекшино Семеновского уезда Иваном Семеновым Опокиным трех рублей с полтиною из кассы волостного правления». Так... Двадцать три года, холост. Отец утонул по пьяному делу аж в шестьдесят четвертом году. При чем тут он, Благово? Ну, точно, психованный.

И уже закрывая папку, Павел Афанасьевич увидел вдруг ответ на свой вопрос. Да такой ответ, что, как сказал классик, «в зобу дыханье сперло».

«В 1879 году привлекался в качестве свидетеля и соучастника в расследовании дела о хлыстовском «корабле» купца 2-й гильдии Акинфьева; оставлен в сильном подозрении».

Год назад Опокин был замешан в хлыстовском деле! В министерских отчетах и реляциях оно прошло под названием «следствие Нижегородского полицейского управления о завещании Аввакума». Тогда, в первый год генерал-губернаторства графа Игнатьева, назначившего Благово начальником сыскной полиции, на ярмарке схлестнулись могущественная Рогожская община староверов-поповцев и тайная секта хлыстов. Шла борьба за владение уникальным, бесценным для любого староверческого толка завещанием протопопа Аввакума Петрова, написанным им за две недели до своей казни в 1681 году. В ходе этого противостояния едва не погибли сам Благово и его молодой помощник Алексей Лыков, а на ярмарке были убиты трое купцов и более десятка уголовных. В их числе был и знаменитый питерский бандит Осип Лякин по кличке Ося Душегуб. Закончилась вся эта кровавая история побоищем на острове посреди Ворсменского озера, в старинном Троицком Островоозерском монастыре. Ранним утром, сняв часовых, на остров пробрались Лыков и начальник рогожской службы безопасности Федор Ратманов по кличке Буффало. В перестрелке они перебили всю охрану «Верховного Христа», страшного старика Свистунова, тайного хлыстовского диктатора, повинного в смерти многих невинных душ. Буффало застрелил самого Свистунова и унес с собой завещание Аввакума, которое хлысты перед тем забрали у придушенного ими антиквара.

Операция проводилась по прямому указанию нижегородского полицмейстера Каргера и с ведома генерал-губернатора графа Игнатьева. Сыскная полиция в этом деле негласно сотрудничала с Рогожской общиной против хлыстов, что было не совсем законно. Но власти были возмущены провокаторской ролью хлыстов, которые и затеяли все эти многочисленные убийства, вступив для того в сговор с бандитами. Министр поэтому молчаливо одобрил нижегородцев, наградив всех участников «дела о завещании Аввакума», да и сама Рогожская община, будучи весьма близка к верхам, не дала в обиду союзников.

И вот теперь эта, забытая уже было история вновь напомнила о себе. Очевидно, что молодой и простодушный крестьянин Опокин получил задание от нового хлыстовского «христа» отомстить за прошлогоднее поражение. Будет ли этому конец? Воевать с целой сектой, тайной, богатой, многочисленной – это было уже чересчур. Надо срочно предупредить Лыкова! И Буффало тоже...

Двадцатидвухлетний помощник начальника Нижегородской сыскной полиции Алексей Лыков также в это время вспоминал дело о завещании Аввакума. Еще ранним утром он получил неприятную телеграмму из Москвы:

**«(НА) МЕНЯ СОВЕРШЕНО ПОКУШЕНИЕ ТЧК (ПО) ВСЕМУ НАШИ
ЗНАКОМЦЫ (С) ОСТРОВА ТЧК ПРЕДУПРЕДИ БЛАГОВО ЗПТ БУДЬТЕ
ОСТОРОЖНЫ ТЧК БУФФАЛО».**

Алексей хотел сразу же известить начальника, но тот поехал в острог из дома, не заходя в полицейское управление. Пришлось Лыкову отложить разговор, что едва не стоило, как потом выяснилось, жизни Павлу Афанасьевичу.

Титулярный советник Лыков не имел своего кабинета, а сидел в общей комнате сыскного отделения вместе с агентами. Поручив старшему агенту Титусу предупредить Благово о телеграмме из Москвы, он занялся самым неотложным из текущих дел. Третьего дня была обворована квартира председателя удельной конторы действительного статского советника Сиверса; воры унесли полпуда столового серебра, драгоценности жены и – десяти тысячный вкладной билет Московского коммерческого банка всего с одним отрезанным купоном. Сиверс только вчера поздно вечером нашел в своих записях номер и серию украденного билета и догадался сразу послать их с камердинером к Лыкову домой. Поэтому сегодня с самого утра Алексей занялся обходом банков, опасаясь, что билет за эти дни уже был предъявлен целиком или купонно. Посетив отделения Русского торгово-промышленного, а затем Государственного банка, он оставил у старших кассиров номер ренты и по Балчугу спустился на Скобу. Здесь, в самом начале Рождественской улицы, возле Гостиного двора, находился Николаевский городской общественный банк. Войдя в его кассовый зал, Лыков поморщился – опять этот развязный поляк! Только что он попался Алексею на Осыпной, в Государственном банке, разменивал там пятидесятирублевый банкнот на червонцы. Поляков Лыков не любил: они нанесли его покойному батюшке в 1863 году те три ранения, что раньше положенного срока свели Лыкова-старшего в могилу. Да еще эти манеры...

Но тут Алексей увидел, как полячишко забрал у кассира пять червонцев, бросил свое «дзенькуе» и вышел. Это было непонятно, а потому подозрительно. Почему пан меняет пятидесятирублевые банковские билеты в разных банках? Не проще ли было разменять на Осыпной сразу всю сотню? Или билеты у него фальшивые? Но тогда он разменивал бы их в лавках да ресторанах, а не здесь, где обученный на фальшивки персонал!

Раздумывать было некогда. Лыков подскочил к кассиру, сунул ему под нос запаянное в стекло удостоверение агента сыскной полиции со своей фотографией и тихо произнес:

– Я из сыскного. Банкнот, даденный сейчас поляком, отложить. Известить управляющего, больше никому ни слова. А это, – тут он выложил на конторку извещение о краже вкладного билета, на бланке и со своей подписью, – для учета при обслуживании клиентов. Я зайду позже.

И, не дав ошарашенному кассиру сказать ни слова, быстро вышел на улицу.

Поляк обнаружился впереди него, уже сажень в двадцати. Он шел по Рождественской, в сторону Софроньевской площади, легкой походкой молодого гуляки и ловеласа; подмигивал встречным дамам и барышням, на ходу осматривал вывески магазинов, весело помахивал тросточкой. Лыков увеличил дистанцию до пятидесяти сажень, из опасения быть обнаруженным. Выслеживаемый им человек был, видимо, не прост: то и дело пялился в зеркальные витрины или вертел головой во все стороны, словно заезжий турист, что позволяло ему вести задний обзор.

Ниже по Рождественской, недалеко от Козмодемьянской церкви, находился еще один банк – Нижегородский Купеческий. Если поляк зайдет и в него, с той же целью размена денег, то это будет означать только одно – что происходит осмотр всех банков в городе с целью подготовки их ограбления. «Варшавские» – элита преступного мира, ловкие взломщики сейфов, славились своим искусством не только в России. Два месяца назад, в марте, были ограблены

два банка: один в Праге, другой в Аахене, и следы в обоих случаях явно указывали на «варшавских». Нешто и досюда добрались?

Алексей перешел на другую сторону у улицы, укрылся в москательном магазине Обрядчиковых и сквозь его витрину увидел, что поляк зашел в Нижегородский Купеческий банк. Вышел оттуда через четыре минуты, поднял тросточку, к нему подлетел извозчик с белым номером¹, забрал пассажира и, получив указание, двинул обратно к Скобе. Алексей из своего укрытия запомнил номер «ваньки» и, дав ему отъехать, прошел в кассовый зал. Показав, как положено, документ, изъял под расписку сданный поляком банкнот (на этот раз четвертную), строго предупредил кассира, чтобы он известил об этом только директора. Не забыл и оставить уведомление об украденном билете.

В управлении Лыков выгнал на улицу всех свободных агентов – для поиска извозчика, и уже через час узнал: подозрительный поляк проживает в «Большой Московской гостинице», лучшей в городе, что на Благовещенской площади. А одновременно с ним там же поселились еще три солидных пана с большими чемоданами. Итак, «варшавские» приехали на гастроли?

Павел Афанасьевич Благово любил своего помощника Лыкова и старшего агента Титуса и возлагал на них обоих большие надежды. А если он кого любил, то жизнь такого человека становилась особенно трудна: Благово требовал от него соответствовать высоким ожиданиям...

Эстлянец Яан Титус начальника радовал. Умный, наблюдательный, всегда тонко оценивает ситуацию. Опасность чувствует за версту и ловко ее избегает, но, если нужно, становится храбр и хладнокровен. И удивительный актер: может загримироваться и сыграть кого угодно – от великого князя до татарки-торговки.

А вот Лыков нужных высот никак не достигал. Помощник начальника сыскной полиции – это будущий начальник, первый преемник. Год назад Благово так ему это и объяснил, когда брал в помощники. Целый год Алексей бьется, толк вроде бы есть, но все не то, не то. Авантюрист! Ему бы с револьвером по подворотням бегать да жуликов чугунными кулаками в штабель укладывать. А думать за него все еще должен Благово.

О прошлом годе Федор Ратманов по кличке Буффало, фантастический стрелок, неделю лишнюю задержался в Нижнем, учил Лыкова стрелять. Таким, как он, Алексей, конечно, не стал, но из туза пятарку с пятнадцати шагов теперь делает, чем очень гордится.

Потом он начал брать уроки солдатского рукопашного боя у отставного преподавателя фехтования знаменитого Тенгинского пехотного полка. Эти полковые учителя фехтования любого Дэ Артаньяна в три терции проткнут, потому как у них школа такая, на поле боя учились, не в манеже. Вот и этот старый хрыч – четверть века отвоевал, семнадцать ранений имеет, и ни одного из них тяжелого. Когда узнал, что Лыков за полтора года войны два тяжелых получил – смеялся очень... Стал натаскивать сыщика за три рубля в месяц, по субботам и воскресеньям, так, что тот приходил на службу в понедельник весь в ссадинах и синяках. Даже неудобно бывало его брать на совещания к губернатору, ибо походил на пьяного буяна, выпущенного из холодной.

А Лыкову этого всего мало показалось. И так здоровый как черт, а тут еще заказал на Курбатовском заводе десятипудовый гимнастический снаряд, которому русского названия нет, а немцы зовут его «штанге». Занимается с ним ежедневно, плечи набил такие, что в вагон конно-железной дороги давеча едва пролез.

Все это, конечно, для полицейской службы и неплохо, но уж очень ребячеством отдает. Агентуры своей до сих пор еще не завел, с людьми сходится трудно, они ему, по молодости лыковских лет, не доверяют. В феврале, правда, отличился наш голиаф: брали двух очень опасных московских бандитов в Почтовой гостинице на Ошаре, те бросились в бега через черный

¹ Белые номера были у извозчиков первого класса (у второго – красные).

ход, а там Лыков стоял. Потом свои показания залетные в письменной форме давали, ввиду сломанных в четырех местах челюстей; хорошо, оба грамотные оказались...

С недавних пор, однако, уроки Благово до Алексея все же стали доходить. На прошлой неделе самостоятельно разыскал убийцу провизора Бомбеля. За сутки. Благово вычислил душегуба уже к обеду, но молчал, наблюдал за своим помощником. Ничего, справился. И вот теперь эта история с поляками, в которой Лыков проявил уже профессиональную наблюдательность.

Титус сходил вечером в «Большую Московскую», выиграл на билиарде пятнадцать рублей и «срисовал» всех четырех панов. После этого перетряс картотеку и двух из них мигом опознал. Оказались знаменитые ребята, сами братья Зембовичи по кличке «Двойка пик»! Казначейство в Вильно, банки в Петергофе, Лодзи, Гельсингфорсе, Киеве и, возможно, касса взаимопомощи в Керчи. Теперь приехали к нам в Нижний, залезть в «карман России».

«Варшавских» взяли под очень осторожное наблюдение. В гостинице за ними следила сама обслуга (хозяин – давний агент Благово), на улице вел только Титус, остальным своим людям статский советник не доверял. Уже через день выяснилось, что братья Зембовичи навести секретно на квартире бухгалтера Нижегородского Купеческого банка, тоже поляка. Объект готовящегося нападения, таким образом, был определен.

Благово доложил все полицмейстеру Каргеру. Решили брать «варшавских» прямо на деле, в банке. Арестовывать их в гостинице не хотели по двум причинам. Во-первых, схватить с поличным эффективнее и срок паны получают больше. Во-вторых, что важнее («Двойка пик» и без того уже шла в розыске по трем статьям), у «варшавских» своя уголовная этика, очень своеобразная. Они никогда никого не убивают и даже не ранят при ограблениях, только аккуратно связывают. Не было еще случая, чтобы поляки кого-то из своих жертв кончили на грабеже. Зато уж при аресте они сопротивляются отчаянно, всегда бесстрашно отстреливаются (а с оружием ходят все), и полицейские часто несут потери. Наши русские убийцы делают все наоборот: при нападениях частенько режут всех до единого, зато при аресте быстро сдаются без боя, чтобы быстрее уйти на каторгу и бежать с нее потом.

По всем этим причинам полицейские арестовывать панов очень не любили, и Каргер решил в лучшей гостинице города, всегда населенной, перестрелок не устраивать.

К полицмейстеру тайно вызвали управляющего Купеческим банком и сообщили о готовящемся налете. Почтенный банкир пришел в ужас. Он же, немного успокоившись, и пояснил, почему именно его учреждение стало интересно грабителям. Оказалось, банк выдал недавно необычайно большой онкольный кредит в пятьсот тысяч рублей правлению Варшавско-Лодзинской железной дороги. Выдал по рекомендации своего бухгалтера, поляка по национальности (того самого!), который оказался зятем председателя правления дороги. В качестве обеспечения кредита взяли от заемщика вкладные билеты и акции на предъявителя Санкт-Петербургского Частного Коммерческого Банка, Общества для заклада движимых имуществ в Санкт-Петербурге и Московского городского кредитного общества. Бумаги являлись надежными, но мелкого номинала, сданы были под залог несколькими большими пачками, да еще с купонными листами на 5–10 лет, поэтому опись по номерам и сериям пока еще не сделали.

Замысел «варшавских» стал ясен. Послезавтра – семик, затем Троица и Духов день; банк, как и весь город, три дня не работает. Значит, ограбят в Родительскую субботу, а хватятся не раньше вторника; за это время паны успеют разбежаться по России и к среде скинут бумаги с дисконтом и обратят их в деньги. Почти полмиллиона навару – неплохо, неплохо...

– Как охраняется ваш банк в двенадцатые праздники?² – спросил Каргер у управляющего.

² Двенадцатые – двенадцать главных христианских праздников; к ним относится и Троица. Семик – седьмой четверг от Пасхи.

– О, у нас отличная охрана! По ночам внутри всегда дежурит вооруженный караульный. В двенадцатые он же дежурит и днем, суточную смену; его меняет второй охранник. Оба они люди надежные, из ваших кадров, отставные городовые. Кроме того, из помещения охранника проведена электрическая линия со звонком в Рождественскую полицейскую часть, чего нет даже в Государственном банке.

– Как же «варшавские» намереваются попасть в банк в субботу? Караульщик ведь не откроет дверь незнакомому лицу! – вмешался Лыков.

– Незнакомому не откроет. Но если это будет банковский бухгалтер, который скажет, что забыл на столе часы и не хочет обходиться без них три дня, то... – Благово вопросительно посмотрел на управляющего.

– То тогда откроет, – со вздохом подтвердил его догадку банкир.

– Понятно! – шлепнул пятерней по столу полицмейстер. – Значит, так. Грабить вас станут в Родительскую субботу, явно при помощи вашего же бухгалтера. Внутри банка мы поместим своих людей во главе с господином Лыковым. С охранником вашим все решим, если он бывший полицейский, то мы быстро найдем общий язык... Вы сейчас идите, появитесь здесь в пятницу вечером, столь же секретно, тогда и оговорим последние детали.

– Последний вопрос, – остановил банкира Лыков. – Скажите, а как охраняются в праздники другие банки Нижнего Новгорода? Это доступные сведения?

– В нашем кругу они общеизвестны, а в публике – не знаю. Охрана, кроме нас, есть только в Государственном банке. Александровский дворянский – это вообще не банк, там все давно разворовано своим же правлением, красть уже нечего. В Волжско-Камском тоже денег нет, у них год убыточный. В отделении Русского торгово-промышленного банка деньги есть, но охрана им ни к чему – они сидят в доме Чернобаева на Ильинке, прямо над его квартирой, там всегдалюдно, тьма народа проживает. Первое общество взаимного кредита и Городской общественный банк просто запираются на все три дня. «Кредит» сидит в Блиновском пассаже, а Городской – в доходном доме; там тоже всегда полно квартирантов, есть сторожа и дворники. Кроме того, у них очень хорошие сейфовые комнаты; в Городском толщина двери пять вершков! А мы и Государственный банк имеем собственные отдельные здания, вот и приходится их специально охранять. Да и не было пока у нас в Нижнем никаких взломов. Прости, Господи, чем мы тебя прогневали...

И, расстроенный, управляющий ушел.

– Теперь понятно, для чего пан обошел все наши банки, – констатировал Лыков.

– Неужели?... – поперхнулся полицмейстер.

– Точно так, Николай Густавович, – хмуро подтвердил Благово. – Судя по всему, они решили не мелочиться и ограбить сразу два кредитных дома. В ночь с пятницы на субботу «варшавские» взламывают один из двух неохраемых банков (какой именно, нам предстоит выяснить). Поэтому у них такие тяжелые чемоданы – в них инструменты для взлома. Никакие «пять вершков» им не помеха, эти воры всегда отлично вооружены технически. В Аахене толщина стенки сейфа была девять вершков, а они просто выжгли замок соляной кислотой.

Далее. В Родительскую субботу днем, при посредстве бухгалтера, паны врываются в Купеческий банк (вечером охранник не откроет дверь даже бухгалтеру) и забирают сданные в залог процентные бумаги. И сидят в нем до воскресенья. Дожидаются второго охранника-сменщика, связывают и его – только так удастся сохранить ограбление в тайне до вторника. И уезжают врозь двумя парами в разных поездах еще в воскресенье, со всеми барышами. Да, хитрые ребята эти Зембовичи.

– Я им покажу, как грабить мои банки! – рывкнул Каргер. – Тут вам не Аахен, мать вашу, а Нижний Новгород!

Немного успокоившись, он резюмировал совещание:

– Павел Афанасьевич! Алексей Николаевич! Поручаю вам немедленно заняться выяснением первого объекта нападения «варшавских». Брать их придется уже там, мы не можем рисковать и позволять им взламывать пустой банк. Жаль, конечно, что поляк-бухгалтер, явный соучастник этой шайки, останется не доказанным в злоумысле, но должно хотя бы уволить его с волчьим билетом. И потом, в пустом помещении легче арестовывать. Не хочется подставлять под пули отставного городского, честно выслужившего уже пенсию.

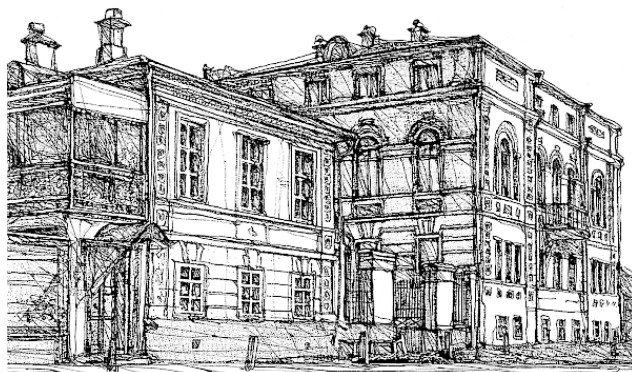
Теперь по поводу покушения на вас, Павел Афанасьевич. Телеграмма от Буффало доказывает, что это не случайность. Придется вам пока походить с охраной. Я приставляю к вам Тимофеева, так чтобы он и ночевал в вашей квартире. Днем и ночью, по любому делу, даже, извините, к даме – только с ним!

Старший городской Тимофеев обладал огромной физической силой и всегда использовался при опасных задержаниях. Во всем Нижнем он уст упал бицепсами только Лыкову.

– А ты, Алексей Николаевич, тоже поостерегись, – продолжал Каргер (титularному советнику он по-отечески говорил «ты»). – Ты третий, кто был на том острове. Удвой осторожность, не надейся на силушку. Все, господа! В четверг к восьми утра жду вас с планом операции по поимке «варшавских». До свидания!

Глава 2

Смерть Тунгуса

Усадьба Добролюбовых над Почаинским оврагом и Лыковой дамбой (флигель и доходный дом).

Алексей вышел от полицмейстера расстроенным – у него были свои планы на утро четверга. По вторникам и четвергам (Благово не назначал в эти дни утренних совещаний) Лыков осваивал верховую езду.

Началось это в апреле, когда ограбили казначея Кубанского казачьего войска. Лихой извозчик примчал его с Московского вокзала вместо гостиницы в один из зловещих гордеевских притонов. Там войсковому старшине дали поленом по голове, и очнулся он уже на берегу Мещерского озера, без казенных восьмидесяти тысяч рублей. Ладно, хоть не убили...

Три дня казак в жутком расстройстве торчал в приемной полицмейстера, проклиная Нижний Новгород и свою доверчивость. На четвертый день Благово через агентуру выяснил, что ограбил кубанца гордеевский «князь» Семен Ушастый и что после такого успеха он не просыхая гуляет у себя на родине, в Лысково. Войсковой старшина получил в итоге назад почти все деньги (Ушастый успел пропить только три тысячи), купил на них для войска полосового железа и уехал счастливый, не зная, как благодарить начальника Нижегородской сыскной полиции. А через неделю наказный атаман Кубанского войска граф Гейден прислал в подарок Благово в отдельном вагоне замечательного чагривого³ текинского жеребца. Бывший морской офицер, Павел Афанасьевич и в кошмарном сне не мог представить себя в седле. Подумав немного, что делать с «нечаянной радостью», он подарил красавца-скакуна своему помощнику.

Вот поэтому Алексей и делал теперь дважды в неделю конные прогулки. В августе прошлого, 1879 года он получил, с согласия начальства, от Рогожской общины премию в пять тысяч рублей за спасение их казны от банды Оси Душегуба. На эти деньги Лыков купил небольшой дом на самом краю города, на углу улиц Спасской и Замковой Напольной, в шесть комнат, с огородом, конюшennым и дровяным сараями. Мать и сестра ликовали, хотя место было глухим. Прямо через дорогу расстилались выпасные луга городских обывателей, вдали виднелись кресты храма старинного села Высокова и крыши других пригородных деревень – Лапшихи, Кузнечихи и Грабиловки. На Лапшихинской горе один чудака, гарнизонного батальона капи-

³ Чагровый – темно-пепельный.

тан Можайский, в белом кителе кидался вниз головой с кособока в обнимку с каким-то якобы летательным устройством, которое летать вовсе не хотело.

Алексей на своем жеребце ездил до Высокова, дивился на чудачества капитана и через Солдатскую слободу возвращался домой. И вот на третьей или четвертой прогулке навстречу ему неожиданно попались два всадника: юноша, по виду гимназист старшего класса, и барышня лет восемнадцати в элегантной амазонке. Заметное сходство лиц наездников выдавало в них брата и сестру. Барышня поразила Алексея своей немного восточной красотой: черноволоса, смугла, капризно-кокетлива, но без жеманства, в благодушно-извинительной манере. Манера эта выяснилась очень быстро, потому как проехать молча мимо изумительного текинца (единственного в Нижнем Новгороде!) брат с сестрицей не смогли. Завязался разговор, из него выросло знакомство.

Брат и сестра – звали их Дмитрий и Ольга – оказались детьми известного в городе строительного подрядчика Климова. Дом их на Большой Печерской, выстроенный самим академиком Львом Далем, сыном составителя знаменитого словаря, поражал своей замечательной глухой орнаментальной резьбой и был в городе приметен. Алексей назвался чиновником губернаторской канцелярии в чине титулярного советника; у них в сыском запрещалось распространяться посторонним о своей настоящей службе.

Ольга Климова произвела тогда на Алексея впечатление, но сама больше смотрела на скакуна, нежели на его хозяина. Или только притворялась? Кто их, барышень, разберет.

Личный опыт общения с женщинами (в том числе и самого интимного свойства) был у Лыкова не велик. На ярмарке все попадались гулящие, от них его воротило. Честные вдовы на Алексея, по его молодости, еще не заглядывались, барышни тоже вниманием не баловали по заурядности лыковской внешности. Самое сильное любовное приключение он получил на войне. Когда турок-арабистанец при штурме Столовой горы проткнул Алексея штыком, угонил он сначала в госпиталь в Тифлис, а потом в команду выздоравливающих в Геленджик. Будучи небольшой крепостью во время Крымской войны, город превратился теперь в крупный приморский центр, уступавший только Новороссийску. Тон в Геленджике по-прежнему задавали военные: стоял в казармах славный 4-й Черноморский батальон, куролесили кубанские и терские казаки, была база флота, имелись огромные провиантские склады и приличный госпиталь. Как следствие этого, сложилось и общество, специфическое, военно-кавказское. То есть, состоящее из офицеров и военных чиновников, их жен и еще торговцев, преимущественно греков. Вчерашний гимназист, потом кандидат на низшую классную должность, вольноопределяющийся Лыков этому обществу только козырял, становясь во фронт в своей солдатской шинели.

Первым лицом в Геленджике был, разумеется, батальонный командир, старый кавказец, в молодые годы юнкером пивавший пунш еще с поручиками Лермонтовым и Милутиным. У седовласого полковника росла, как водится, дочь-красавица. Звали ее Александра, была она абсолютно независима, никакие условности в грош не ставила и делала что хотела. На общественное мнение ей воистину было наплевать. Александра ездила на охоту верхом в мужском седле, в драгунских брюках, курила, читала мемуары Казановы на французском и позволяла себя любить симпатичным корнетам и поручикам, меняя их по прихоти еженедельно. Отец в ней души не чаял, все причуды прощал, а половину и не знал, точнее, не хотел знать. Мать Саши скончалась еще в молодые годы, и наставить юное создание было некому; батальонные жены давно уже в бессилии махнули на нее рукой.

И вот эта бойкая, уверенная в себе, красивая девятнадцатилетняя барышня заметила Лыкова и подарила ему две недели своего внимания. Сначала были прогулки вдоль прибрежья, потом поцелуи, потом сеновал на пригородной даче, жаркие губы и пылкая страсть... Затем приехал молодой стройный ротмистр с Георгиевским оружием, да еще и князь, а Лыкова успели ловить чеченских инсургентов. На этом любовь и закончилась.

И вот теперь, на три года повзрослевший, возмужавший, служащий начальником в серьезном месте титулярный советник Лыков познакомился с другой интересной барышней. Ольга попервоначально не обратила на него внимания. Внешность самая обыкновенная, рост в седле не понять, но ясно, что не богатырский, да и «чинишко на нем дрянь». Плечи, разве что, необычно плотные и крутые, будто ваты понапихано. Но потом романтический девичий ум что-то заметил, а что-то домыслил. Откуда у титулярного советника такой роскошный конь? Улыбается – подарили. Ничего себе подарочек... Не от женщины ли? Говорит, что мелкая сошка в губернском правлении, а у самого золотые часы от министра. Да министр этих титулярных знать не знает, в упор не видит. На все вопросы о службе отшучивается, говорит, бумажки скучные крапают; может быть, он шпион? Или бастард великого князя? А когда у братцевой кобылы отлетела подкова, таинственный знакомец играючи скрутил ее в спираль. Папенькин кучер Егор, самый сильный в Верхнепосадском Троицком приходе, пыхтел-пыхтел, да так и не раскрутил, бросил, поминая лешего. Лежит с тех пор подкова на девичьем туалетном столике, и по вечерам Ольга вертит ее в своих тонких пальчиках.

И Лыков, и Ольга теперь с нетерпением дожидались вторников и четвергов, чтобы снова проехаться вместе верхами. А тут, понимаешь, «варшавские».

Алексей вернулся от Каргера в сыскное и принялся чертить на листе бумаги таинственные знаки. Какой банк выберут паны? Это выявит только слежка. Но панов четверо, а Титус один; другие агенты, увы, не столь талантливы и могут завалить дело. А если следить не за поляками, а за банками? Организовать пункты наблюдения в квартирах напротив...

Размышления Лыкова прервал с грохотом ворвавшийся Титус:

– Алексей Николаич, беда! Наблюдаемые съехали из гостиницы в неизвестном направлении!

– Как в неизвестном? А номер извозчика записали? Куда гостиничная прислуга глядела?

– Извозчик был грузовой, без номера и без особых примет, видимо, не зарегистрированный. Выписались они все четверо неожиданно и одновременно, в шесть часов утра, погрузили в экипаж вещи и уехали в сторону Зелинского съезда. Прислуга ничего не могла сделать; не бежать же ей следом...

– Быстрее в гостиницу; я предупрежу Павла Афанасьевича.

Через минуту они вчетвером неслись через весь кремль в «Большую Московскую»: впереди Титус с Лыковым, за ними, задыхаясь с непривычки, красивый седовласый статский советник, замыкал колонну огромный Тимофеев. Благово вытирал на бегу лицо платком и хрипел в спину молодым:

– Шляпы! Сыщики хреновы! Что я Каргеру скажу?!

Алексей оборачивался и успокаивал его:

– Да не переживайте вы так, Павел Афанасьевич, мы их найдем! Выставим около банков наблюдение и к субботе точно найдем!

– Это ты его превосходительству будешь объяснять!

Однако, подбежав к гостинице, где их уже ждал сконфуженный хозяин купец Язев, Благово принял спокойный и уверенный вид. На попытки хозяина оправдаться сказал ласково:

– Да ладно, вы же не сыщики. Это мы... хгм! (он бросил на подчиненных испепеляющий взгляд) сыщики. Веди в номер.

В роскошном трехкомнатном номере, который снимала «Двойка пик», статский советник молча покрутил пальцем над головой («осмотрите здесь все»), а сам первым делом вывалил прямо на ковер содержимое мусорной корзины и принялся в нем рыться. Язев был опытным человеком и, когда поляки неожиданно съехали, запретил прислуге убираться в их номерах. Поэтому Благово рассчитывал что-нибудь, да обнаружить.

Не успел Алексей обыскать умывальную комнату, как из гостиной послышалось удовлетворенное хмыканье его начальника. Лыков поспешил к шефу, туда же из спальни прибежал и

Титус. Благово сидел на диване с развернутым номером «Нижегородского биржевого листка», который, безжалостно скомканный, валялся на самом дне корзины. У дверей почтительно застыл Язев. Павел Афанасьевич молча кивнул ему и тот так же молча вышел в коридор.

Ян Титус и Лыков уселись по обеим сторонам начальника, Тимофеев стоял рядом.

– Глядите сюда, дармоеды, – Благово ткнул пальцем в колонку объявлений «Жилье внаем». – Видите?

– Точно, Павел Афанасьевич! – ахнул Титус, присмотревшись. – Как только вы разглядели! Едва заметно ведь...

Чувствуя себя провинившимся, он немного подольстил шефу. Но действительно, булавочный прокол возле одного из объявлений легко было и просмотреть.

Алексей прочитал вслух:

«Сдается до Рождества с. г. четырехкомнатная квартира с водопроводом, ванной и теплым ватерклозетом, на втором этаже Общественного доходного дома (дар Ф. П. Переплетчикова) по улице Рождественской. Площадь квартиры 56 кв. саж.; в двух комнатах окна на двор, весьма покойно. Обращаться к управляющему г-ну Нойману».

– Доходный дом Эф Пэ Переплетчикова на Рождественской! В этом здании в отдельном крыле, в Мучном переулке, помещается Николаевский городской общественный банк, – воскликнул Титус.

– Яша, – подобревшим голосом сказал Благово, – оденься подходяще и стоняй к господину Нойману, приценись к квартирке. Ежели ее уже сдали людишкам с польским акцентом, значит, первое задание господина полицмейстера мы выполнили.

Ян мгновенно испарился. Благово строго поглядел на Тимофеева:

– Назар! Нечего тут околачиваться. Иди-ка ты, братец, ко мне на квартиру, помоги Матрене котел поменять. Я появлюсь к обеду, а пока меня, драгоценного, Алексей Николаевич покараулит.

– Слушаюсь, ваше высококородие.⁴ Только Алексей Николаичу вас и доверю.

Лыков шутя ткнул старшего городского в каменное плечо, и тот ушел. Благово с Лыковым продолжили обыск номера Зембовичей, потом осмотрели номера, занимаемые двумя другими поляками. В одном из них, под чугунной ванной Алексей обнаружил ветошь со свежим запахом оружейного масла. Благово понюхал, многозначительно посмотрел на своего помощника. Тот понял его взгляд: всякий раз, когда надо было идти на риск, арестовывать «решительных людей», Павел Афанасьевич переживал за Алексея, хотя и понимал, что именно тот должен вставать под ножи, и что ему это даже нравится. Потому что Лыков – сам «решительный человек», только с правильным знаком, и никого он, пока молодой да здоровый, не боится...

Закончив с обыском, они вернулись в кабинет Благово одновременно с Титусом. Тот доложил, что все правильно: господин Нойман отказал ему в квартире, потому как уже отдал ее гостям из Варшавы и деньги получил за два месяца вперед; очень любезные паны. Квартира же находится в пристроенном флигеле, имеющем общую стену с Николаевским городским общественным банком.

До обеда они втроем просидели в кабинете, обдумывая детали операции по захват у поляков. В три пополудни, составив вчерне план, Павел Афанасьевич с Алексеем пешком пошли на казенную квартиру начальника сыскной полиции обедать. Благово жил над Похвалихинским оврагом, в доходном доме наследников Зинаиды Добролюбовой, матери столь рано умершего знаменитого критика, на втором этаже. Хозяева божились, что раньше эту квартиру снимал сам генерал Улыбышев, друг Пушкина и меломан.

Отперев, по привычке, дверь своим ключом, Благово прошел сразу в гостиную, крича весело:

⁴ Ваше высококородие – форма титулования исключительно для статского советника.

– Тимофеев! Сменил котел? Выходи, где спрятался?

И вдруг осекся. Алексей вышел из-за его плеча и увидел старшего городского лежащим на полу лицом вниз, вытянувшись во весь свой огромный рост. Быстро присел над ним, потрогал под левым ухом, с трудом перевернул и бегло прощупал руки, шею и грудь. Так же быстро поднялся и тревожно осмотрелся.

– Что с ним? – тихо спросил Благово.

– Это невероятно, но у него сломана рука и вывернута шея.

– У Тимофеева вывернута шея? – с ударением на фамилию ошарашенно повторил статский советник, но тут дверь из спальни отлетела от мощного удара и в гостиную забежали двое.

Первый был плотный бородатый мужчина среднего роста, с лихорадочно блестящими, весело-безумными глазами. Второй же поражал своим неправдоподобно мощным телосложением, от него в большой комнате сразу стало темно и тесно. На вершок всего выше Лыкова, он был в полтора шире его в плечах; огромные кулаки с короткими пальцами, необъятная – воистину, как у быка – шея, словно надутые воздухом, в буграх мышц, руки. И – полусонное, застывшее бритое лицо с хитрым настороженным взглядом.

– За отца ответ! – выкрикнул знакомую уже фразу бородатый и бросился на Благово. Гигант же, сразу поняв, что Лыков опасней, двинулся на него. Ленивый удар без замаха – и Алексей, отброшенный страшным толчком, отлетел к стене. Однако он успел упереться, наклонив вперед корпус, и выставить локоть, поэтому устоял на ногах. На сонном лице бритого мелькнула удивленная гримаса. Он хмыкнул одобрительно и уже сильно ударил правой, целясь Лыкову в голову. Однако Алексей упредил его столь же сильным встречным боковым ударом кулака в кулак, по науке тенгинского инструктора. Гигант глухо взвизгнул, затряс отшибленной кистью и тут же получил прямой в переносицу, отшатнувшийся его огромную тушу на целый аршин назад.

Воспользовавшись секундным замешательством, Алексей прыгнул к сцепившимся бородатому и Благово и пинком свалил бородатого с ног. Тут же обернулся, и вовремя – бритый наскочил и неожиданно ловко взял его шею в захват.

Хрустнули шейные позвонки, в глазах у Лыкова потемнело. Огромная тяжесть неизбежно тянула его к полу. Он изловчился и, напрягая все силы, так же сцепил свои пальцы на шее противника. Тяжело дыша, они застыли в страшном напряжении, стараясь согнуть и повалить друг друга. Алексей быстро почувствовал силу, с какой никогда раньше не сталкивался, какую ему было не одолеть... Огромный, как гора, уверенно-злой, противник медленно скручивал ему шею.

«Ударить ногой в пах? Нет, на одной ноге не устою. Неужели погибаю?».

Но вдруг он понял, что если сейчас поддастся, то они убьют Благово.

«Что ж ты, дрянь, зря железо тягал? Только перед барышнями можешь хвалиться? – обругал он себя. – Вот хрен вам, ребята!».

Алексей разозлился, как не злился с того страшного момента, когда год назад бандиты убивали его в подвале зловещего трактира Кузнецова. Убивали, да не убили, вспомнил он, и руки его сразу налились какой-то новой силой. Упершись, Лыков надавил на шею бритого как только мог, напрягая все жилы, всю волю, всю мощь. Он поднял, наконец, голову и посмотрел на врага в упор, с такой ненавистью и одновременно с таким превосходством, что кожей почувствовал случившийся перелом. Лицо гиганта начало быстро бледнеть, сцепленные на лыковском затылке руки мелко затряслись. Алексей скосил на миг глаза и увидел, как Благово большими пальцами рук ткнул своему противнику в глазные яблоки; бородатый с воем отскочил и, закрыв одной рукой лицо, вторую сунул в карман.

«Черт, у него там нож», – понял Лыков, но ничем помочь начальнику он пока не мог. Напрягая руки изо всех последних сил, он начал пригибать своего противника все ниже и ниже к полу, стремясь быстрее добить его и бежать выручать Павла Афанасьевича. Бритый

уже поддавался, медленно, дрожа всем огромным корпусом, оседая вниз; закусив губу, он едва сдерживал стон.

– Удавлю, гад! – шепотом, спокойно и четко пообещал ему Алексей. Из носа и ушей бритого алыми ручейками хлынула кровь, шея хрустнула, и он со стоном упал на колени. Алексей, представив, что его кулак – двухпудовая гирия (тоже наука солдатского рукопашного боя), замахнулся и ударил противника в висок...

Пол задрожал от падения многопудовой туши, а Лыков уже набегал на второго противника. Тот махал наугад ножом, а Благово, хладнокровно уворачиваясь, отступал за кресло. Алексей стремительно выпрыгнул и той же «гирей» ударил бородастого сверху вниз по темени. В комнате наконец-то стало тихо.

* * *

Полицейский врач Иван Александрович Милотворжский разогнулся, снял пенсне и сказал ошарашенно:

– Да-а... Никогда не встречал такого крепкого сложения, а уж, кажется, всякого насмотрелся! Колосс, положительно колосс! Как только вы с ним справились, Алексей Николаевич, неужто такого громилу можно уложить голыми руками?

В прозекторской полицейского управления лежали четыре трупа: кухарки Благово (изверги не пожалели старушку), Назара Тимофеева и двух убитых Лыковым неизвестных. Огромный Тимофеев рядом с квадратным, бугристым от мышц, неправдоподобно крупным в кости громилой казался подростком.

В прозекторскую вбежал Каргер, снял фуражку, медленно подошел к телу старшего городского и застыл перед ним. Лыков знал, что полицмейстер любил своих простоватых «детушек» и больно переживал, если кто-то из них страдал на службе. А тут хороший, достойный человек, отец четырех детей, отдал жизнь.

Постояв так с минуту, Каргер шмыгнул носом, повернулся, смахнул с глаз стариковскую слезу. Затем уже строгим генеральским взглядом окинул остальных покойников, задержался на «колоссе».

– Ты хоть знаешь, от какой дряни державу избавил, Алексей Николаевич? Нет? Это же сам Тунгус!

Лыков даже присвистнул. Вошедший следом за полицмейстером Благово, белый от переживаний (жалел и Тимофеева, и верно служившую ему много лет Матрену), тихим голосом подтвердил:

– Он самый, никаких сомнений. Видите, свежая рана на ляжке? Питерцы продырявили, когда брали.

Тунгус был вторым в списке самых опасных бандитов Российской империи. Был бы и первым, да не имел нужных для этого амбиций. Хитер, но не умен; страшен, но без масштаба. Как многие из этой жуткой среды, убивал легко, часто, охотно, даже там, где можно было и пощадить. Кличку свою получил, когда бежал со своей первой каторги из Акатуя. Прорывался он тогда на запад через Подкаменную Тунгуску, режа по пути всех, кто ему попадался, и перебил таким образом более тридцати человек. После этого всегда говорил не «убить», а «затунгусить», потому и был соответственно прозван. Считался наиболее физически сильным человеком в преступном ареопаге страны, из-за чего стал героем многочисленных уголовных легенд. Неоднократно избегал ареста, прорывался сквозь плотные кордоны, разбрасывая при этом, как котят, самых крепких полицейских. Лишь в декабре, когда уже совсем достал Ивана Дмитриевича Путилина, тот бросил на его поимку знаменитый «летучий отряд силового задержания». Отряд тот состоял из весьма бывалых людей, способных заарестовать даже черта... И когда Тунгус привычно сбил с ног первого, второй, не мешкая, прострелил ему ляжку, а третий вре-

зал по голове кастетом. Очнулся Тунгус уже в ручных и ножных закаленных кандалах. Их он и порвал, когда его в тюремной карете везли на суд, после чего снова пошел гулять по России. Пока не нарвался на Лыкова.

– А кто второй, установили? – спросил Алексей.

– Пока нет. Возможно, он вообще не наш клиент, не уголовный. Какой-нибудь хлыстовский деятель низшего звена.

– Вот, Алексей Николаевич, почитай, – Каргер передал ему папку, в которой лежала телеграмма директора Департамента полиции исполнительной⁵. – Даст Бог, эдакое больше не повторится. Повязали голубчиков, теперь мстить-то некому будет.

Директор департамента сообщал о разгроме полицией главной хлыстовской штаб-квартиры в подмосковном городе Богородске. Похоже, терпение Рогожской общины закончилось, и всемогущие вожди раскольников-поповцев задействовали свои связи в верхах. Сильный полицейский отряд из Санкт-Петербурга ночью окружил укрепленную усадьбу хлыстов на краю города и утром пошел на штурм. Характерно, что вперед полицейские пустили «представителя заказчика» – рогожца Федора Ратманова – Буффало. Тот застрелил двух караульных, пытавшихся оказать сопротивление, после чего остальная охрана сразу же бросила оружие.

В обширной усадьбе были конфискованы огромный хлыстовский столетний архив, большой оружейный склад, на триста тысяч фальшивых банковских билетов и приспособления для их подделки. В секретной тюрьме обнаружился пропавший два месяца назад в Москве директор крупного банка, причем его держали на цепи, вделанной в стену. А на огороде опытные сыщики сумели разрыть тайное захоронение с четырьмя трупами, все – со следами насильственной смерти. Арестовали, кроме охранников и прислуги, еще несколько высокопоставленных хлыстов («апостолов»), давно числившихся в розыске, а также восемь молодых женщин – гарем верховного «христа». Сам «христос», купец Редкозубов, был обнаружен после упорного пятичасового обыска в замаскированном подземном убежище, куда он успел спрятаться, заслышав выстрелы. Начато уже уголовное дело, причем по совокупности преступлений всем главным подозреваемым светит Сахалин до скончания века.

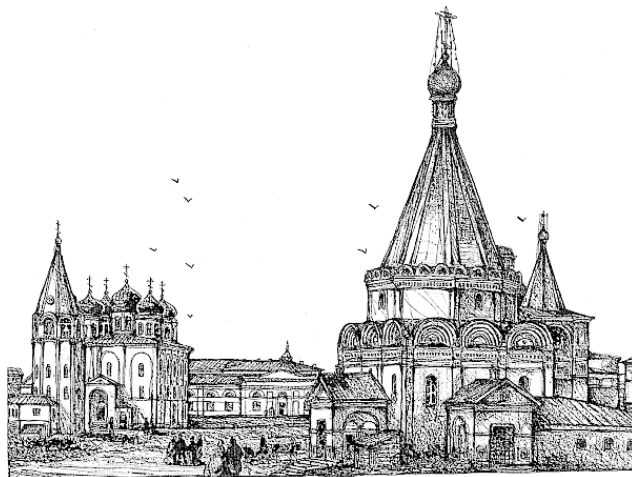
– Словом, секта надолго обезглавлена, – удовлетворенно констатировал Благово. – Эти двое (он кивнул на трупы) – их последний привет нам. Хочется надеяться, что ничего подобного действительно больше уже не случится...

– Ну, господа, попереживали и хватит, – строго сказал полицмейстер. – У нас полно дел, надобно «варшавских» ловить с поличным. У вас готов план операции?

⁵ Департамент полиции исполнительной управлял всеми полицейскими силами империи. В 1810–1819 гг. входил в состав Министерства полиции, с ноября 1819 г. по 15 ноября 1881 г. – в состав Министерства внутренних дел.

Глава 3

«Тут вам не Аахен!»

Михайло-Архангельский и Спасо-Преображенский соборы в кремле.

В ночь с пятницы на Родительскую субботу Лыков с тремя опытными агентами сыскной полиции сидел в засаде в помещении Николаевского городского общественного банка. На другой стороне Рождественской улицы, в корпусе общественных лавок прятались Каргер, Благово и десять вооруженных городских. Еще четверо агентов во главе с Титусом скрывались во флигеле, в квартире, соседней с той, что снимали поляки. Лыков со своими людьми проникли в банк тайно, поодиночке, через общий зал и кабинет директора, под видом посетителей.

В одиннадцать часов ночи Лыков услышал негромкое звучание дрелей за стеной – взломщики буравили стену сразу в нескольких местах. Через час стена была подготовлена, и паны стали осторожно выбивать из нее кирпичи. Лыков перешел в соседнюю комнату и наблюдал теперь за происходящим в крохотное зеркальце.

Он увидел, что в небольшой образовавшийся проем снаружи просунули свернутое рулоном ватное одеяло и бросили на пол. Одеяло развернулось точно под дырой в стене, и кирпичи стали падать на него почти беззвучно. Еще через минуту просунулась рука с зашторенным фонарем и осветила комнату. Лыков сразу убрал зеркальце.

У поляков все получалось быстро, ловко и бесшумно. Вскоре первый из них проник в банк, и сыскным агентам пришлось ретироваться в заранее подготовленное убежище. Они набились в кабинет помощника управляющего и легли там на пол, запершись изнутри. Кабинет был особенный: сквозь его матовое стекло было видно все, что делалось в коридоре, из коридора же стекло ничего не пропускало.

В комнате, проломленной «варшавскими», усилились шумы, и вскоре Лыков увидел сразу три луча света, осторожно пробирающихся по стенам. Значит, три пана проникли уже в банк, а четвертого оставили в квартире для приема добычи. Можно было начинать захват: взлом произошел.

Луч скользнул по стеклу кабинета, в котором укрылись Лыков и его люди, и дверь снаружи аккуратно, но сильно тряхнули. Убедились, что заперто, и двинулись дальше. Когда грабители скрылись за поворотом, Лыков осторожно повернул ключ в замке. Все четверо сыскных были обуты в шерстяные вязаные чулки. Бесшумно ступая, они двинулись следом за поляками, которые добрались уже до хранилища и вовсю там хозяйничали. Расставив фонари по углам

так, чтобы они освещали железную дверь кладовой, «варшавские» раскладывали по столам фляги, масленки, сверла, отмычки и еще какие-то неведомые диковинные приспособления.

Алексей стоял за выступом стены, приготавливаясь к нападению. На нем под жилетом был надет английский стальной панцирь – прошлогодний подарок Буффало, в руке он сжимал каучуковую гантель. Трое других агентов уступом стояли сзади по коридору.

Сжавшись как пружина, Лыков молча и неожиданно выпрыгнул на середину комнаты и врезал гантелью в лоб самому коренастому из панов. Тот ойкнул и улетел в угол, а Лыков, уже сильным ударом ноги, выбил второго налетчика в коридор, в объятья агентов. Развернулся, и тут грохнул выстрел, и пуля, ударившись Алексею в грудь, с визгом срикошетила от панциря в потолок. Третий налетчик стоял спиной к стальной двери с наведенным на Лыкова револьвером. В глаза Алексею полыхнуло пламенем, вторая пуля сильно ударила его в правое плечо. Он чуть шатнулся, рывкнул «Не входить!» и, как бык на корриде, ринулся на поляка. Тот выстрелил в третий раз, уже в упор, но вид летящего на него сыщика был, видимо, так страшен, что пан промахнулся с полшага – пуля обожгла Лыкову ухо. Больше ничего сделать не успел: Алексей добрался до него. Мелькнули под потолком ноги, поляк крутанулся на воздухе и по высокой дуге кубарем улетел в коридор, сильно ударившись об пол. Мгновенно на нем верхами уселись сыскные агенты, щелкнули наручники, все было кончено.

Алексей, не обращая внимания на льющуюся из плеча кровь, шагнул в угол, поднял за брючный ремень первого налетчика, все еще лежащего без сознания, и, как с кофром, вышел с ним в коридор. Всех троих панов усадили вдоль стены и обыскали, причем револьверы обнаружили у каждого. Меньше всех досталось второму поляку, выпиннутому как шавка в коридор. Третий, стрелявший в Лыкова, притулился к косяку, вытирая скованными руками кровь с разбитого холеного лица; он хрипел и выплевывал на пол выбитые зубы.

Из проломленной комнаты проник в коридор еще один луч, и слышались голоса. Лыковские помощники схватились было за револьверы, но опустили их, узнав сочный баритон Титуса.

– Не стреляйте, свои! Алексей Николаевич, все ли в порядке? Как вы там?

Титус вышел в коридор, толкая перед собой стволом револьвера скованного четвертого поляка; остальные агенты его группы шли следом.

Торжество было полное, если не считать того, что из плеча Лыкова бойко хлестала кровь. Агент Торсуев, бывший ранее фельдшером, бросился его перевязывать. Титус осмотрел сидящих вдоль стены панов, спросил у агента Фороскова:

– Этот?

Форосков молча кивнул. Титус подошел к стрелявшему и без лишних разговоров пнул его в лицо. Поляк со стоном покатился по полу; остальные агенты встали в круг и принялись ожесточенно молотить его ногами. Остальные налетчики пытались было защитить своего товарища, но их быстро и жестко окоротили.

– Прекратить! – не выдержал Лыков. – Отойдите все от него!

Сыщики неохотно, пнув еще по разу напоследок, отошли в сторону от лежащего без движения «варшавского». Титус пробурчал через плечо:

– Жаль, если не сдохнет...

Лица у остальных трех налетчиков приобрели уже выражение особого уголовного фатализма: наше дело грабить, а ваше – ловить; поймали, так бейте, чего уж там... Лыков и сам без зазрения совести избил бы до полусмерти любого, ранившего, к примеру, Титуса, но наблюдать со стороны наказание связанного не мог.

Снова раздался топот, на этот раз снизу; это бежали Каргер и Благово со своим отрядом. Большая комната вскоре стала тесной: приехали следователь и чиновник для особых поручений от губернатора Безака, в дверях ахал управляющий банком, слепил всех своим магнанием полицейский фотограф, толкались вокруг стола со сверлами и отмычками полицейские

чиновники. Сыскные агенты, гордые своим успехом, воинственно расхаживали по коридору с ненужными уже револьверами. Лыков, у которого от этой суеты и кровопотери уже кружилась голова, кратко доложил начальству важнейшие детали, и его на пролетке отправили на квартиру доктора Милотворжского для перевязки. Братьев Зембовичей с сообщниками сразу увезли на первый допрос. Срочно поднятый с постели мастеровой принялся заделывать стену, закладывая ее стальной полосой.

В воскресенье, звеня тремя солдатскими «георгиями» и крепко дыша водкой, домой к Алексею пришел Михалыч – отставной тенгинский унтер-офицер и лыковский учитель по рукопашному бою. Он заставил Алексея нарисовать диспозицию схватки в Николаевском банке, указать расстояния, углы обстрела, освещение. Минуту разглядывал схему, потом сказал:

– Плохо провел бой! Надо было, ударив первого, броском захватить второго, цапнуть его за глотку и, прикрываясь как щитом, переть на третьего. Хрен бы он тогда в тебя пальнул! А так – едва тебе, дураку, башку не отстрелили... Эх, Лешка, учу я тебя, учу, а толку с гулькин шиш!

Пришлось ученику налить учителю стакан «очищенной».

Во вторник, после всех праздников, Лыков возвращался с доклада губернатору в полицейское управление. Городская полиция располагалась в отдельном двухэтажном здании под каланчой позади огромного строения военной гимназии – бывших казарм учебного карабинерского полка, сформированного Николаем Первым из кантонистов.

Правая рука Алексея все еще висела на перевязи, хотя уже почти зажила. Он был в редко надеваемом сыскными агентами будничном чиновном мундире с черными бархатными обшлагами и петлицами министерства внутренних дел; на мундире красовались орден Святого Владимира и солдатский Георгиевский крест. Вид у Лыкова был геройский и немного загадочный, он это осознавал и был собою доволен; жалко, не видела его эдаким орлом Ольга Павловна...

Вдруг сзади раздался знакомый мелодичный голос:

– Алексей Никола-а-евич!

Лыков резко развернулся и увидел только что им воображаемую Ольгу Климову, грациозно сходящую к нему со ступеней Спасо-Преображенского собора. Она быстро закинула вуаль на верх модной шляпки, с любопытством оглядела регалии сыщика, ахнула, увидев его руку на перевязи:

– Что с вами, Алексей Николаевич? Текинец ваш взбрыкнул? Вы поэтому давеча не выезжали? Мы с Димой так расстроились...

Ольга осторожно провела своими пальчиками по форменному обшлагу лыковского мундира:

– Очень больно пришлось?

– Жаль, некому было подуть, – весело ответил Алексей, подавая девушке здоровую руку. – Куда прикажете вас препроводить, Ольга Павловна? Начальство меня еще четверть часа не хватится.

– А давайте к Мининскому памятнику пройдем, оттуда вид хороший.

– Можно и к памятнику, – охотно согласился Алексей. Настроение у него было отменное – губернатор Безак, сменивший недавно графа Кутайсова, только что зачитал сразу две благодарственные телеграммы, адресованные министром лично Лыкову: одну за Тунгуса, вторую за братьев Зембовичей. Присутствующие при этом Каргер и Благово прямо светились от удовольствия и гордости за своего ученика, да и сам губернатор был непривычно ласков. Титулярный советник шел поэтому бодро и весело, упругой походкой молодого и здорового охотника, которому сам черт не брат.

Ольга скосила взгляд, кивнула на «Георгия»:

– Это у вас ведь солдатский?

– Так точно, Ольга Павловна, вольноперам офицерских не дают. Но такие тоже не каждому достались.

– А у нашего кучера Егора Аннинская медаль есть!

– Да у меня тоже есть, Ольга Павловна, – беззаботно ответил Лыков, выводя барышню на смотровую площадку. – Ах, как здесь хорошо...

Они стояли напротив Успенского собора и смотрели вниз. Белые полуразрушенные стены кремля спускались к великой реке, золотились купола Симеона Столпника и Живоносной церкви, на плацу Красных казарм маршировали солдатики. Нижний базар, самое старое место в старом городе, был, как всегда, оживлен, пристань дымила трубами многочисленных пароходов. А за громадной, вечной, переливающейся сине-серыми тонами и блестками Волгой уходили куда-то за горизонт подернутые дымкой заречные дали.

Ольга не дала Алексею полюбоваться этим чудесным видом, задав очередной вопрос:

– Ну, а крест-то Святого Владимира вы как исхитрились получить? Он, помнится мне, дается за выслугу двадцати пяти лет в офицерских или классных чинах да еще, в исключительных случаях, за совсем уж выдающиеся деяния. Его только на старичках и увидишь!

– Ольга Павловна, – укоризненно проговорил Алексей, – ну зачем столько лишних знаний в такой милой головке?

Климова топнула изящной ножкой в прюнелевом ботике:

– Извольте отвечать на вопрос, а не дерзить! Вы уже двадцать пять лет, как чиновник? Просто молодо выглядите? Или какое выдающееся деяние невзначай совершили?

Положение Лыкова становилось затруднительным. Сознаться в подвигах, совершенных по должности сыскного агента, он не имел права. Однако «статский» Владимир в двадцать два года от роду в империи получали единицы, это действительно была выдающаяся награда, и ее нельзя было объяснить рядовым усердием по службе. Кроме того, чего греха таить, Алексею нравился тот ореол таинственности, который окружал его в глазах юной барышни. Хотелось сохранить его подольше: очень уж он был выигрышным. Поэтому приходилось врать и отмалчиваться.

– Ну... какие там деяния. Начальство мне благоволит, балует. Служу себе тихо, не хуже, правда, других, вот и все наши подвиги.

– А что у вас на самом деле с рукой? Вас ранили? Вы дрались на дуэли?

Алексей принялся беспокойно озираться по сторонам, потом невежливо схватился за часы:

– Погубите вы, Ольга Павловна, мою карьеру! Начальник отделения уже давно, поди, меня разыскивает! Прошу покорно извинить, срочно вынужден вас покинуть, еще раз простите, ради Бога!

И Лыков, сняв фуражку с кокардой, почтительно поклонился своей собеседнице и быстрым шагом удалился. Дабы его не выследили, он пошел не к себе в полицейское управление, а свернул в губернское присутствие, однако и это его не спасло. Как только Алексей, кивнув городовому на входе, поднялся во второе отделение канцелярии⁶, следом вошла с улицы милая барышня в изящной шляпке с прозрачной вуалью. Она поманила пальчиком городского, почтительно к ней тотчас же подбежавшего, и протянула ему серебряный полтинник:

– Скажите, голубчик, кто этот молодой человек с двумя крестами, только что сюда вошедший?

Пожилой служака лукаво-одобрительно крутанул седой ус:

– Это с Владимиром и Георгием? Хороший у вас глаз, барышня, истинного молодца усмотрели. То Алексей Николаевич Лыков, помощник начальника Нижегородской сыскной полиции. Орел! На турецкой войне был, а сейчас самых страшных убийц ловит, и еще как

⁶ Второе отделение канцелярии губернатора координировало деятельность городских и уездных управлений полиции.

ловит – самому государю императору об нем докладывали! Силищи необыкновенной и еще большей храбрости. Оченно мы в полиции все его уважаем, хотя ему всего двадцать два года.

– А что у него с рукой? – зардевшись, спросила барышня и сунула в корявую ладонь городского второй полтинник.

– Да вы разве не читали? Во всех местных газетах пропечатано! Предотвращена попытка ограбления Николаевского городского банка. Взломщики оказали вооруженное сопротивление, но начальник засады титулярный советник Лэ (то есть, Лыков, вот этот, Алексей Николаевич) в одиночку их всех обезвредил, запретив остальным чинам полиции рисковать жизнью. Быв при этом ранен в правую руку...

– Ранен в правую руку... – как сомнамбула, повторила Ольга последние слова городского и вдруг, словно по команде, из глаз ее полились обильные девичьи слезы.

– Что вы, барышня, все окончилось благополучно, жулики в тюрьме сидят, а Алексей Николаевич бегаёт уже всю, сами видели, – по-отечески принялся утешать ее полицейский, вынимая из кармана не очень чистый носовой платок.

– Бегаёт... – всхлипывала приглушенно Ольга. – От меня он бегаёт! Ничего не рассказывает, врет, что служба у него скучная, что бумажки пишет целыми днями. А его чуть не уби-или! – и она снова залилась слезами.

– А и правильно делает, что врет, – авторитетно заявил старик. – Нельзя им, сыскным, ничего про себя рассказывать, служба у них секретная. Подписку дают! Вот они и врут, бедолаги, даже отцу-матери, про бумажки-то...

– Да? – обрадовалась Ольга. – Значит, им так положено? Подписку дают... Это тогда ничего, не обидно вовсе. Это все объясняет!

И, повеселев так же быстро, как и заплакала, она толкнула дверь на улицу. На пороге задержалась, оглянулась, снова покраснела и сказала:

– Дядечка, вы уж ему, пожалуйста, ничегошеньки не рассказывайте.

– Как можно, барышня! Все понимаю, у самого дочке семнадцатый годок пошел...

Ольга убежала, а старый городской еще долго ходил по вестибюлю, звенел в кармане полтинниками, улыбался в седые усы.

Проболтав с четверть часа со служащими губернаторской канцелярии, Лыков вернулся, наконец, к себе в полицейское управление, но делами заняться не удалось: оказалось, что его давно уже разыскивает Благово. Он направился в кабинет к начальству и застал там, помимо начальника сыскной полиции, также и самого полицмейстера. Два высоких чина распивали чай из казенных стаканов в серебряных подстаканниках (дар купчихи Рябининой за разыскание ее сбежавшей со штык-юнкером сестры).

Лыков почтительно застыл в дверях.

– Вот и Алексей Николаевич пожаловал! – обрадовался Благово. – Напомни-ка, дружок, его превосходительству, кто уж ты есть у нас по должности?

– Ваш помощник, Павел Афанасьевич!

– А если поточнее?

– Если по формуляру, то исправляющий должность вашего помощника.

– Правильно. А почему исправляющий?

– Потому, что у меня нет высшего образования.

– Ай-ай-ай, такой хороший оперативник и без высшего образования... – пробурчал не без издевки Каргер. – Почему не учиться?

– Некогда ему учиться, Николай Густавович, – столь же иронично ответил Благово. – Кто же будет жуликов ловить? С барышнями на лошадях кататься? Подковы им на память гнуть?

«Откуда он знает?» – смутился Алексей.

– Ладно, бери у секретаря стакан и подсаживайся, разговор есть, – скомандовал Каргер, и Лыков побежал в приемную.

Полицмейстер Каргер был весьма доволен тандемом Благово-Лыков. В прошлом году временный ярмарочный генерал-губернатор граф Игнатъев выгнал, наконец, со службы кутайсовского зятка, бездельника и картежника Лукашевича, и назначил начальником сыскной полиции Павла Афанасьевича (прямо в день своего приезда!). Отличившийся тогда же при ликвидации жуткой банды Оси Душегуба молодой помощник квартального надзирателя Лыков был замечен Благово и приглашен им в свои помощники. Сразу через два чина. После этого, при активном содействии графа, полицейский порядок на ярмарке был значительно укреплен: закрыты наиболее зловещие уголовные притоны, разгромлено несколько банд, много лет терроризировавших ярмарку – персы-душители, беглые острова Кавказ, гордеевские «попрыгунчики». По итогам ярмарки, впервые, наверное, за шесть десятилетий ее существования в Нижнем Новгороде, не случилось ни одного нераскрытого убийства!

За такое отличие граф Игнатъев удостоился в сентябре 1879 года Монаршей благодарности, после чего на остальных чинов полицейской администрации обрушился дождь наград. Каргер получил предел своих мечтаний – Аннинскую ленту, столь редкую в провинции. В департаменте ему сообщили по секрету, что первоначально подготовили представление его на орден Святого Станислава 1 степени, по случаю десятилетия пребывания в должности нижегородского полицмейстера. Однако граф Игнатъев стремительно атаковал министра в самой императорской приемной, и представление переделали прямо там же, «на коленке», на более высокую по статусу Анну. Благово сделался статским советником и «высокородием», брендмейстер Морошкин получил Владимира 3 степени. Только Лыков, более других рисковавший жизнью, был отмечен всего лишь золотыми часами. В столице сказали: еще чего! В двадцать два года стал титулярным советником и Владимирским кавалером! Ему теперь десять лет ничего не положено. Один раз уступили беспрецедентному давлению графа, больше не поддадимся... Единственное, чего смог добиться Игнатъев, это нанесения на часы монограммы министра.

Возглавив городской сыск, Благово железной рукой навел в «кармане России» порядок. Разного рода жулье попритихло, некоторые сочли за лучшее уехать – в Рыбинск, Казань, даже Одессу. Четыре случившиеся за зиму крупные кражи все были раскрыты, из шести убийств расследовано пять. Последовали также ловкие аресты знаменитых московских бандитов, разоблачение фальшивых закладных на земли в Царстве Польском, вскрытие поддельного завещания загадочно умершего купца Бурмистрова («дело молитовских отравителей»). На Пасху Благово с Лыковым провели блестящую операцию по задержанию известного мошенника Аарона Менделя, автора аферы века – акционерного общества по созданию летательных аппаратов тяжелее воздуха (!), вытянувшего столько денег из дураков военного министерства. А теперь еще – ликвидация Тунгуса и арест братьев Зембовичей, безуспешно разыскиваемых полициями шести европейских государств.

Департамент полиции исполнительной заметил произошедшие в Нижнем Новгороде улучшения. Каргер получил первого января Монаршее удовлетворение и пятитысячную ренту сроком на шесть лет. И вот теперь Лыкова решили забрать в Петербург, под тем предлогом, что ему здесь некуда расти! Действительно, со средним образованием его потолок – коллежский асессор, а там министр живо сварганит ему диплом юридического факультета экстерном.

Благово, когда расстроенный полицмейстер показал ему запрос на Лыкова, задумался и погрустнел. Отсутствие высшего образования действительно подрубало Алексею карьеру: случись что с Павлом Афанасьевичем, появится новый начальник сыска, и Лыкову тогда прямая дорога в часть надзирателем на всю оставшуюся жизнь. Может до пристава дорасти... Проби-вать же ему экстернат из провинции, без поддержки министерства, практически невозможно. Хитроумный Благово придумал-таки один вариант, однако решил первоначально испытать своего помощника.

Итак, Лыков прибежал с пустым стаканом, Павел Афанасьевич налил ему чаю – хорошего, ханькоусского, и затем огорошил:

– Департамент полиции исполнительной заметил твои подвиги, Алексей Николаевич, и вызывает тебя срочно в столицу.

– Зачем это?

– У них есть две вакансии. В «летучем отряде силового задержания» очередная потеря – на облаве в Вяземском доме тяжело ранен агент, пришлось отнять ему руку. Члены этого отряда – а их всего шестеро – производят самые трудные и опасные задержания, конвоируют наиболее отчаянных преступников, сопровождают ценности. Они получают полуторное, в сравнении с другими, жалованье и на три года ранее выслуживают пенсию. Очередь желающих попасть в отряд огромная, на освободившееся место сейчас есть пятьдесят кандидатов, и все с опытом. Тебя же вызывают персонально, телеграмму подписал сам директор департамента тайный советник Косаговский.

– Павел Афанасьевич, вы сказали – там две вакансии. Позвольте полюбопытствовать насчет второй.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.